

не сподобляють на нападеніє печенѣговъ на Кієвъ въ отсутствіе Святослава и
ти спалили города какими же находившимися южанами. Подходъ его на Волгѣ,
при всей исторической основѣ, носящей много легендарныхъ чертъ, какъ и са-
мая смерть Святослава отъ печенѣговъ.

Чѣмъ ближе къ концу XIV в., тѣмъ все менѣе видимъ въ летописномъ
источникѣ преданій народа; появляются преданія книжного происхожде-
нія, которыхъ, естественно, образовались въ послѣдствіе принятія христіанской вѣ-
ры и появленія житій и легендъ по византійскому образцу.

Лѣтописи Якимовская.

Матринецъ, всегда равносрочной въ дѣлѣ собиранія историческихъ па-
мятниковъ, обратился съ этою цѣлю къ одному своему родственнику Мелхи-
седку Воробьеву. Феоф. Мелхиседекъ бывалъ во многихъ монастыряхъ, и вотъ отъ
него Матринецъ хотѣлъ что нибудь получить. Мелхиседекъ объяснилъ, что
многоуважаемаго имъ, покровителямъ, монаху Веніамину, который пи-
шетъ и пишетъ много матеріала, при этомъ послалъ Матринецу три
тетради, будто бы взятая имъ отъ Веніамина и просилъ скорее возвра-
тить. Сплавъ эти тетради, Матринецъ просилъ ихъ обратно и просилъ
прислать продолженіе; но послѣ оказалось, что Мелхиседекъ уиждъ, имѣя
его развращено, Веніаминъ монахъ и не волею, а волею казначей Веніаминъ,
который никакой историкъ не писалъ и никакихъ книгъ не имѣлъ; тѣ же три
тетради, которыхъ Мелхиседекъ прислалъ, какъ содѣланныхъ Веніаминъ,
по словамъ послѣднихъ, принадлежали самому Мелхиседеку, который окра-
вилъ эту рукопись и на вопросъ, где взялъ, отвѣчалъ уклончиво и развратно. Та-
кимъ образомъ, монахъ Веніаминъ въ письмѣ Мелхиседека къ Матринецу
есть имѣно вымышленное. Мелхиседекъ, вторяюще, опасаясь, чтобы Матринецъ,
на правахъ родственника, не присвоилъ себѣ посланныхъ тетрадей, навѣвалъ соб-
ственникомъ ихъ Веніаминъ выговоръ себя; съ другой стороны, Мелхиседекъ,
какъ писарь-монахъ, съ свойственной этой братіи иерархической скромностью
долженъ открыть свое авторское имя, приписавъ вымышленному имѣни
То и другое предположеніе, поименовано Буркова, имѣетъ имѣно въ этомъ къ-
скаго же рода эпизодъ повѣрженія Матринецъ рукописи, извѣстной
подъ именемъ Якимовской летописи.

Содержаніе этой летописи раздѣляется на двѣ части,

сравнительно поодорожанію, времени возникновенія и исторической
 истинности. Въ первой части, по слову: „О князяхъ рускихъ старобудныхъ“
 Пётръ монахъ не добръ сведомъ въ, что ся дѣла учавъ славянъ въ Новог-
 родѣ, а свѣдѣтель Тохимъ добръ сведомый написаъ говорища о томъ,
 что по раздѣленіи и разселеніи сыновъ и внуковъ Арета два брата княжеска
 брата-Словенъ и Скиръ-съ вострѣка двинулись на западъ. Скиръ поселился на
 южнѣхъ Арвокало моря и Теркало, а Словенъ подвинулся еще дальше на западъ,
 въѣхавъ Фракію и Мелитю и отдавъ зде земли сыну своему Батарну,
 самъ двинулся на северъ и основавъ тамъ городъ Славяскъ. Третій братъ
 и сынъ сего родоначальника славянъ. Между потомками Словена на
 северъ особенно прославились Вандавъ своимъ ослѣдственнымъ войнами съ-
 оудами и уминомъ внутреннимъ управленіемъ. Третій Вандавъ, усмиривъ
 непокойныхъ ишадимъ князей Гардарика и Турнигара, раздѣлилъ свои
 земли между тремя сыновьями: Изборомъ, Стрипосвѣтомъ и Владимі-
 ромъ, востроилъ шемъ три города и назвалъ каждый именемъ того.
 какому оны должны были принадлежать. Изъ дома Владиміра особен-
 но востроился князь Боривой своимъ побѣдами надъ варягами,
 которыхъ онъ завоевалъ Бѣлгійю до рѣки Криени. Запертый вра-
 гами въ крепости, на островѣ р. Криени, Боривой посылаетъ сына Гасто-
 мисла освободить великій городъ отъ варяговъ. Гостомиславъ, другъ-
 дружокъ, прогоняетъ варяговъ, освобождаетъ славянъ, Русь и отъ
 земли шемъ и ослѣдственной въ домѣхъ восточней и внутренней пом-
 ри, строитъ сыну своему Войбору городъ того же имени. Сыновья
 его, однако, скоро умиротворятъ и останутся три дочери, которыхъ
 онъ выдалъ за иноземныхъ пословъ. Опасаясь за свой столъ, Госто-
 миславъ спрашиваетъ доволъ и восточныхъ о наслѣдникѣ. Ему говорятъ,
 что наслѣдуетъ срамъ, происшедшій отъ его крови. Старшей Госто-
 миславъ не вырываетъ. Раною, Гостомиславъ видѣвъ сонъ: зде треба его
 средней дочери востроитъ дерево, покрываетъ токою великій городъ и
 укрѣпитъ плодами всѣхъ его подданныхъ. Восточны толкуютъ
 сны сонъ таковъ, что посолъ его наслѣдуетъ его власть одинъ изъ сно-
 выхъ средней дочери. Объявивъ сонъ и толкованіе его вѣликодушнѣ,
 умиротворивъ Гостомиславъ посылаетъ стародимъ отъ славянъ, Ру-
 си, Гуди, Веси, Мери, Кривичей и Дрѣговичей къ варягамъ просить

князя. После его смерти и прицель Рюрижъ съ братьями и родомъ своимъ. Вотъ содержаніе первой части отрывка Якимовской летописи. Изложенная часть не принадлежитъ, собственно, Якимовской летописи, а представляетъ какъ бы введение въ летопись и написана подъ сильными вліяніями польскихъ летописцевъ XVI вв. Чрезъ понятіе эр, нужно принять во вниманіе анотированія соображенія. Польскіе летописцы, начиная съ Кадлубка, особенно ревностно прилепляли къ историческимъ началамъ Польши летописную фантазію. Кадлубка историческое прошлое польскаго народа восходитъ къ временамъ Аржъ и елосна Явина. Въ тамъ и римлянами польскій народъ, по его увѣреніямъ, ведетъ войны, поражаетъ Александра Македонскаго и вступаютъ въ родственныя связи, династическія, съ домомъ Цезаря. За Кадлубкомъ Кромеръ, Гельскій, Демрошъ и Стрыйковскій къ этимъ летописнымъ фантазіямъ прибавляютъ свои, надбавляя не только свою исторію, но и соседнихъ народовъ небылыми мѣстами и соображеніями. Вотъ эти-то летописныя басни въ концѣ XVI и въ XVII вв. въкрадываются и въ наши отечественныя хронографы; полкая летописная фантазія начинаетъ заражать русскіяхъ. Типичнымъ представителемъ вліянія эрй баснословной стороны польскихъ хроникъ служатъ „поврбная летопись отъ начала Россіи до Полтавской битвы“, изданная Лвовымъ; въ ней есть и олицетвореніе народовъ и историческія въ имени мѣст; есть и сказанія о славянахъ, древностью не уступающія сонованію и внукамъ Аржъ и стремленіе приурочить эти сказанія къ древнему періоду русской исторіи. Подъ такимъ польскимъ вліяніемъ написана и первая часть Якимовской летописи. Такая мѣна, какъ Словень, Скиръ, Бастаронъ и Ванданъ есть и въ польскихъ летописныхъ сказаніяхъ. Другія же мѣна, какъ Гардарикъ, Гунгаръ свидѣтельствуютъ о знакомствѣ сочинителя эрй части съ латинскими летописями западныхъ и северо-западныхъ народовъ, какъ въ друиныхъ памятникахъ они не встрѣчаются; а эрй знакомство едва ли могло быть ранее XV в. Такимъ соображеніемъ, на основаніи которыхъ можно опредѣлить время появленія эрй первой части Якимовской летописи.

тиси (концы 17 и начала 18 в.).

Что же касается автора, то имя его, вероятно, навсегда останется неизвестным. Может быть это был и сам Мелхиседек, а может быть и кто другой. Одно можно сказать: это был человек начитанный, а главное хорошо знакомый с польскими летописцами, под влиянием которых он и сам писал.

Вторая часть Якимовской летописи повествует о событиях от Юрия до Владимира св. Внимательно эту часть содержащую достоверные сведения о наших событиях, сошедшая от его исторических вавилонян, как оно изображено у Нестора, определяя порою самый смысл Несторовых замечаний точнее. Матильда навела эту летопись Якимовской, полагая, что составитель ее был архиеп. Новгородский Иоаким, на основании аналогичных соображений: самая летопись начинается такими словами: «окнядох руских... а святитель Иоаким до того родомый написа»; на тетради, приложенной ему Мелхиседеком была приписка: «святитель Иоаким написа»; наконец, в самой летописи встречаются выражения: «придахом, мы же срояхом; асидяхом, уграхом, приидяхом». На основании этих соображений Матильда слагает составитель ее Иоаким.

По мнению Лавровского, если имя этого автора, за неимением других данных, и автора неизвестным, то личность истинная эпохи, верность сведений о древностях этого народа и ответственность их изложения остаются вне всякого сомнения. Однако и первоначальный вид ее мы определить не можем, потому что до нас дошел отрывок списка и притом сравнительно позднейшего времени.

§ 18. Особенности Якимовской летописи.

В иероглифической иероглифике Якимовская летопись долгое время не была оценена должным образом; на нее снисхождением как на выдумку, не заслуживающую никакого внимания; утверждали даже, что это подделка самого Матильды. И только, под влиянием своего скептического ума, на основании баснословной первой части и некоторых несомнений от Несторовской летописи 2-й части,